

Глава 20. Внезапная тревога

Линь Лан остановился под раскидистым деревом, только сейчас осознав, как далеко ушел. Подняв голову, он увидел, что это альбиция — ее пушистые розовые цветы горели ярким, сочным цветом. В сентябре распускаются не только хризантемы; для нежной альбиции это тоже была самая пора. Он задумался, пытаясь вплести этот образ в будущие стихи.

Тем временем с боковой тропинки показались двое: преклонный старик и крепкий молодой мужчина. Юноша бережно поддерживал пожилого спутника под локоть. Они шли не спеша и молчали, но в каждом их движении сквозила глубокая родственная забота.

Заметив стоящего под деревом Линь Лана, старик изумленно замер.

«Как похож... До чего же похож на него!» — пронеслось в его мыслях.

Молодой человек, заметив, куда устремлен взгляд спутника, тоже посмотрел вперед — и на мгновение опешил, завороченный открывшейся картиной. Старик вдруг зашелся в глухом, резком кашле. Юноша тут же опомнился и принялся осторожно похлопывать его по спине.

Линь Лан обернулся на звук. Перед ним стояли двое: кашляющий старик в одеянии цвета спелого проса и молодой мужчина в темно-синем халате. Одного взгляда на узоры одежд пожилого господина хватило, чтобы Линь Лан все понял. Сердце его пропустило удар. Поспешно сделав несколько шагов навстречу, он опустился на колени:

— Ничтожный подданный Линь Лан приветствует Ваше Величество! Долгих лет Государю, десять тысяч лет жизни!

Император наконец справился с приступом кашля и хриплым, надтреснутым голосом произнес:

— Подними голову. Дай мне взглянуть на тебя.

Линь Лан медленно приподнял голову, однако, помня о приличиях, не посмел встретиться с монархом взглядом, устремив взор на расшитый ворот его халата.

Император задумчиво кивнул:

— Действительно, копия... Особенно глаза.

В душе Линь Лана шевельнулось недоумение, но лицо его осталось бесстрастным, словно чистый лист.

— Встань, — благожелательно молвил Император. — Ты ведь из семьи Линь Жухая?

Поднявшись, Линь Лан почтительно склонил голову:

— Все так, Ваше Величество. Мой отец — Линь Жухай.

— Вот и славно. Пройдись со мной немного.

Линь Лан безропотно последовал за Государем, держась ровно на шаг позади него.

— Как поживает твой отец в последние годы? — негромко спросил Император.

«Пропал я! — похолодел внутри Линь Лан. — И что прикажете отвечать?»

Собравшись с духом, он заговорил, тщательно взвешивая каждое слово:

— Мой отец родился и вырос в Гусу, так что тамошняя жизнь ему вполне по душе.

Он благоразумно умолчал о здоровье отца, упомянув лишь, что тому уютно на родине.

— По душе, говоришь? — с легкой усмешкой переспросил Император. — Но ведь тебя не так давно похитили. Неужели его сердцу и впрямь было спокойно в те дни?

— Ничтожный подданный не может ведать всех дум своего родителя, — чрезвычайно осторожно отозвался Линь Лан. — Но ныне, когда все беды позади, батюшка наверняка обрел прежний покой.

«Что за чушь я несу? — панически забила мысль в голове юноши. — Точно навлеку на себя гнев! Спокойнее, только спокойнее...»

Император негромко рассмеялся:

— Дитя, чистое дитя.

— Премного благодарен Вашему Величеству! — выпалил Линь Лан.

В ту же секунду его прошиб холодный пот. «Глупец! Что я несу?! Ну все, теперь мне точно конец!»

Он поспешно опустился на колени, склонив голову до самой земли:

— Ваше Величество, ничтожный подданный впервые сподобился лицезреть священный лик! От великой радости и трепета разум мой помутился, а язык онемел. Умоляю Государя простить мне мою непочтительную глупость!

Император обернулся и мягко произнес:

— Встань же. Я не лютый зверь, незачем так дрожать предо мной. Характером ты совсем не в отца. Помню, когда он в твои годы впервые предстал предо мной, то держался настолько невозмутимо, что это казалось почти неестественным для юнца. А теперь у него самого вырос такой взрослый сын... Как же быстро летит время.

— Благодарю за милость, Ваше Величество, — поднявшись, произнес Линь Лан.

Понимая, что сейчас любое лишнее слово может обернуться бедой, он решил отвечать как можно короче.

Император коротко усмехнулся:

— Насколько я помню, у вас сегодня занятия. Почему же ты бродишь по Императорскому саду?

— Отвечая на вопрос Вашего Величества: учитель велел нам сегодня писать картины и слагать стихи под сенью здешних деревьев. Но муза обошла меня стороной, и я лишь бесцельно слонялся среди аллей, пока не потревожил покой Государя. Мою вину не искупить и тысячекратно!

— Полно тебе, — отмахнулся Император. — Ты еще слишком юн, чтобы перенимать повадки придворных чинуш. Они при каждом удобном случае твердят о смертных грехах, да только никто из них так и не умер от угрызений совести.

— Слушаюсь, Ваше Величество.

— Твой отец — достойный муж, — с улыбкой продолжил монарх. — Я буду ждать того дня, когда смогу самолично наречь тебя Третьим лауреатом императорских экзаменов. Смотри не посрами имя родителя и своего наставника!

— Ничтожный подданный приложит все силы, дабы оправдать надежды Вашего Величества!

Император удовлетворенно кивнул и добавил:

— И вот еще что. До меня дошли слухи, будто твой отец в последнее время занемог. Выгадай время, чтобы навестить его. Ты уже давно покинул родное гнездо, батюшка наверняка истосковался по тебе.

В душе Линь Лана шевельнулось смутное предчувствие, но он лишь покорно склонился:

— Ничтожный подданный непременно поспешит исполнить сыновний долг.

— Ступай же, — отпустил его Государь. — Не то Линъюнь-цзы собьется с ног, разыскивая своего непутевого ученика.

Сердце Линь Лана наконец облегченно забилося.

— Покорно прощаюсь с Вашим Величеством.

Он осторожно попятился назад, не смея поднять глаз на монаршую особу.

Император слегка похлопал по руке сопровождавшего его молодого человека.

— Пятый, завтра же отправляйся в Гусу.

Пятый принц, Ту И, почтительно склонил голову:

— Слушаюсь, отец.

Оставив правителей позади, Линь Лан побрел обратно к беседке. После столь волнующей встречи мысли о поэзии окончательно покинули его голову.

Линъюнь-цзы, заметив его растерянный вид, язвительно прищурился:

— О, явился наконец? Ну как, родил хоть пару строк? Можешь не утруждать себя кистью, читай прямо так.

Отбросив былые тревоги, Линь Лан заискивающе улыбнулся:

— Учитель, признаться честно, в голове полная пустота. Стоит попытаться что-то сочинить, как на ум приходят лишь вирши соучеников. Быть может, я просто прочту вам что-нибудь из классиков?

— Мечтать не вредно! — фыркнул наставник. — Сложить простейшее стихотворение не в состоянии, позор на седины твоего отца! Вернешься в поместье — перепишешь сто стихов об осени. Чтобы завтра к утру все лежало у меня на столе!

— Как скажете, почтенный учитель, — продолжал елеинно улыбаться Линь Лан. — Ваш покорный ученик приложит все старания!

Линъюнь-цзы лишь тяжело вздохнул, глядя на этого пройдоху, и распустил учеников, направившись в сторону Императорского кабинета.

— А-Лан, помочь переписать? — с улыбкой поинтересовался Ван Шанпинь.

Молодой Первый медалист тоже неплохо умел подражать чужому почерку, хотя до мастерства Линь Лана ему было далеко.

— Если не считать обычных уроков, только на переписывание этих стихов у тебя уйдет полночи, — вставил свои пять копеек Четырнадцатый принц Ту Ли.

Линь Лан сокрушенно вздохнул, покосившись на него:

— Ваше Высочество, могли бы проявить хоть каплю сочувствия, а не радоваться моим бедам так открыто.

— Да когда это я радовался? — Ту Ли невинно захлопал глазами.

Линь Лан лишь покачал головой:

— Шанпинь, искренне благодарен за доброту, но учитель слишком хорошо знает мой почерк. Впрочем, не беспокойтесь: я умею писать обеими руками одновременно, так что справлюсь довольно быстро.

Тринадцатый принц Ту Син удивленно присвистнул:

— Вот это да! И почерк подделываешь, и обеими руками строчишь... Да ты, парень, просто рожден для того, чтобы отбывать наказания за проступки!

— Жизнь заставила, — скорбно скривился Линь Лан. — Слишком часто приходилось переписывать упущенное, вот и развил в себе редкие таланты.

— Не бери в голову, не слушай этого баламута, — отмахнулся Ту Ли. — Зато теперь, если меня заставят переписывать трактаты, я знаю, к кому идти на поклон!

Линь Лан иронично приподнял бровь:

— А до этого вы разве не ко мне бегали? И вообще, вы с ним — одного поля ягоды. Стоите друг друга, так что нечего тут хвастаться.

Весело переговариваясь, они свернули на широкую аллею, навстречу им двигалась небольшая процессия.

— Пятый брат! — звонко окликнул идущего впереди Ту Ли.

Ту Син поспешил поприветствовать его следом. Линь Лан и его спутники почтительно поклонились:

— Приветствуем Пятого принца.

Ту И едва заметно кивнул, разрешая им подняться.

— Куда это ты направляешься, брат? — поинтересовался Ту Ли.

— Покидаю дворец, — ровно ответил Ту И. — Завтра на рассвете я уезжаю по делам государственной важности. И смотри у меня: прекрати сбегать по ночам и заваливаться ко мне в усадьбу.

— Как скажешь, братец! — расплылся в улыбке Ту Ли.

Расплатившись вежливыми кивками, они разошлись. Линь Лана, однако, не покидало странное ощущение: ему показалось, что Пятый принц задержал на нем долгий, изучающий взгляд. Неужели заметил разницу между его нынешней раскованностью и тем испуганным юношей, что только что трепетал перед Императором? Впрочем, Линь Лан быстро выбросил эти мысли из головы.

Выйдя за ворота дворца, Линь Лан никак не мог избавиться от смутной тревоги. Сердце ныло, предвещая беду. Вместо того чтобы ехать в поместье Жунго, он велел кучеру поворачивать к Помещью Лин.

Наставник, заведев ученика на пороге, удивленно приподнял брови:

— Вместо того чтобы прилежно переписывать стихи, ты явился ко мне? Зачем?

Линь Лан промолчал, сделал глубокий глоток поднесенного чая и лишь затем негромко произнес:

— Учитель, сегодня в саду я повстречал Императора и Пятого принца.

— И что с того? — пожал плечами Линъюнь-цзы. — Ты учишься во дворце, рано или поздно эта встреча должна была состояться. Неужто сболтнул лишнего?

Линь Лан нахмурился:

— Ни в коем случае. Меня смутило то, о чем говорил Государь. Я действительно так сильно на кого-то похож? Особенно глазами?

Взгляд Линъюнь-цзы мгновенно переменился, став серьезным и глубоким.

— Это слова Императора?

Линь Лан молча кивнул.

Наставник тяжело вздохнул и после недолгого молчания спросил:

— Знаешь ли ты, почему я когда-то согласился взять тебя в ученики?

— Из-за моих скромных успехов в живописи и каллиграфии? — неуверенно предположил юноша.

— Слишком высоко же ты себя ценишь! — покачал головой Линъюнь-цзы. — Талант — лишь малая часть дела. Главное в том, что ты лицом и взглядом поразительно похож на своего покойного деда. А он был моим учителем.

Линь Лан невольно коснулся своей щеки:

— Так вот в чем причина... Значит, дедушка и Государь?..

— Они были истинными родственными душами, понимавшими друг друга без слов, — тихо произнес Линъюнь-цзы. — Увы, мой учитель ушел из жизни слишком рано.

Линь Лан на мгновение задумался, припоминая разговор:

— Учитель, Император обмолвился, будто у моего отца пошатнулось здоровье, и посоветовал

мне поскорее вернуться домой. Неужели с бабушкой стряслась беда? Я...

Не дав ему договорить, Линъюнь-цзы отмахнулся:

— Пустые страхи! Твой отец крепок духом и телом, да так, что хоть завтра готов тигра в горах ловить да драконов в пучине укрощать. Ступай домой и не путайся под ногами! Если завтра к утру не принесешь мне переписанные стихи, заставлю копировать еще по сотне на каждое время года!

Поняв, что наставник непреклонен, Линь Лан поднялся с места:

— В таком случае я откланяюсь. Обещаю, завтра все будет готово.

Он сел в экипаж и поехал обратно в поместье Жунго. Дорога казалась бесконечной. Тревога не только не утихла, но сжала сердце ледяными тисками. Он глубоко нахмурился: он тщетно пытался понять, откуда исходит эта незримая угроза.

У самых ворот поместья Жунго его встретил взволнованный слуга:

— Молодой господин Линь, наконец-то вы вернулись! Старая госпожа срочно зовет вас к себе!

Внутри у Линь Лана все похолодело. Не теряя ни секунды, он быстрым шагом направился в Зал Жунси.

Переступив порог палаты, он увидел Дайюй. Сестрица заливалась горькими слезами, уткнувшись в плечо Матриарха и сжимая в дрожащих пальцах смятое письмо. Разум Линь Лана на мгновение помутился. С трудом сохраняя внешнее спокойствие, он поклонился:

— Почтительно приветствую почтенного Матриарха. Бабушка, что стряслось с сестрой?

Матриарх скорбно взмахнула рукой, подзывая его ближе:

— Пришло известие от твоего отца. Он тяжело занемог и просит вас с сестрой немедленно вернуться в Гусу.

В глазах Линь Лана потемнело, пол ушел из-под ног, и он едва удержался на месте, чтобы не упасть.

— Насколько все серьезно?.. — глухо выдавил он.

Старая госпожа Цзя-Ши прежде недолюбливала Линь Лана за его холодность и нежелание сближаться с их домом, однако, видя его мертвенную бледность, почувствовала, как сжалось ее собственное сердце.

— Ах, дитя... — вздохнула она. — Не изводи себя раньше времени. Я уже велела спешно снарядить корабли. Завтра на рассвете твой второй брат Лянь проводит вас до самого дома.

— Премного благодарен вам, бабушка, — тихо ответил Линь Лан.

Стоявший неподалеку Баюй тут же запричитал, хватая Матриарха за рукав:

— Бабушка, умоляю, отпустите и меня с ними! Сестрица Линь безутешна, как я могу оставить ее одну в такой час? Позвольте мне поехать вместе!

Старая госпожа принялась ласково гладить его по голове:

— Глупое дитя, ты ведь никогда не покидал столицы и не знаешь, сколь тягостен столь долгий путь. Они едут навещать больного дядю Линя, им придется спешить день и ночь без роздыха. Не ровен час сам занеможешь в дороге, а лекаря рядом не окажется. Оставайся дома.

Линь Лан не имел ни малейшего желания выслушивать эти капризы. Бережно взяв содрогающуюся от рыданий Дайюй за руку, он обратился к Матриарху:

— Бабушка, поскольку нам предстоит отплыть уже завтра на рассвете, позвольте нам удалиться, дабы собрать вещи и закончить дела.

На лице старой госпожи промелькнуло мимолетное недовольство его поспешностью, но, взглянув на его осунувшееся лицо, она лишь согласно кивнула:

— Что ж, ступайте. Сборы не терпят отлагательств.

Линь Лан поклонился и увел сестру из душной залы.

По дороге к их флигелю он не произносил пустых утешений, лишь крепче сжал ее холодную ладонь и негромко, но твердо произнес:

— Что бы ни случилось, я всегда буду рядом. Твой брат защитит тебя.

Они быстро дошли до своего дворика.

Хэцзя, завидев хозяев, испуганно всплеснула руками: бледность Линь Лана и заплаканное лицо

барышни говорили сами за себя.

— Молодой господин, что стряслось?

— Соберите все наши вещи, — глухим, не терпящим возражений тоном приказал Линь Лан. — Завтра на рассвете мы возвращаемся в Гусу.

Служанка торопливо кивнула. Хэжу спросила:

— Господин, нужно ли известить второго управляющего, чтобы подготовил наши собственные суда?

Линь Лан молча кивнул в ответ. Хэхуань добавила:

— Тогда я сейчас же отправлю человека с прошением об отпуске к господину Лину?

Юноша лишь устало взмахнул рукой, давая понять, что они вольны действовать на свое усмотрение. Девушки мгновенно разошлись по комнатам, принимаясь за работу.

Линь Лан привел сестру к раскидистому дереву посреди двора и без сил опустился прямо на траву у корней. Дайюй растерянно замерла рядом.

— Присядь, — тихо позвал он ее. — Здесь никого чужого нет.

Отбросив былые условности, Дайюй опустилась на землю подле брата.

Линь Лан откинулся спиной на шершавый ствол и закрыл глаза:

— Не бойся... Небо благосклонно к праведным мужам. Батюшка обязательно поправится, все обойдется.

Он и сам не верил собственным словам, но какие еще утешения он мог найти для нее?

Дайюй, едва успевшая утереть слезы, разрыдалась с новой силой. Линь Лан понимал, как сильно она изводится от страха за жизнь отца и как безжалостно терзает себя чувством вины за то, что их не было рядом в трудный час.

Собственная душа его металась в точно таком же беспросветном сумраке. Не зная, как унять ее боль, Линь Лан придвинулся ближе, крепко прижал сестру к груди и принялся медленно, убаюкивающе похлопывать ее по вздрагивающей спине.

<http://bllate.org/book/18219/1758495>